

1. Дождь в августе. И. Бродский

Среди бела дня начинает стремглав смеркаться, и
кучевое пальто норовит обернуться шубой
с неземного плеча. Под напором дождя акация
становится слишком шумной.

Не иголка, не нитка, но нечто бесспорно швейное,
фирмы Зингер почти с примесью ржавой лейки,
слышится в этом стрекоте; и герань обнажает шейные
позвонки белошвейки.

Как семейно шуршанье дождя! как хорошо заштопаны
им прорехи в пейзаже изношенном, будь то выпас
или междудеревье, околица, лужа - чтоб они
зрению не дали выпасть
из пространства. Дождь! двигатель близорукости,
летописец вне кельи, жадный до пищи постной,
испещряющий суглинок, точно перо без рукописи,
клинописью и оспой.

Повернуться спиной к окну и увидеть шинель с погонами
на коричневой вешалке, чернобурку на спинке кресла,
бахрому желтой скатерти, что, совладав с законами
тяготенья, воскресла
и накрыла обеденный стол, за которым втроем за ужином
мы сидим поздно вечером, и ты говоришь сонливым,
совершенно моим, но дальностью лет приглушенным
голосом: "Ну и ливень".

2. А. Ахматова

Небывалая осень построила купол высокий,
Был приказ облакам этот купол собой не темнить.
И дивилися люди: проходят сентябрьские сроки,
А куда провалились студёные, влажные дни?
Изумрудною стала вода замутнённых каналов,
И крапива запахла, как розы, но только сильнее.
Было душно от зорь, нестерпимых, бесовских и алых,
Их запомнили все мы до конца наших дней.
Было солнце таким, как вошедший в столицу мятежник.
И весенняя осень так жадно ласкалась к нему,
Что казалось - сейчас забелеет прозрачный подснежник...
Вот когда подошел ты, спокойный, к крыльцу моему.

3. А. Пушкин. Евгений Онегин (отрывок)

Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в оперу скорей:
Там упоительный Россини,
Европы баловень - Орфей.
Не внемля критике суровой,
Он вечно тот же, вечно новый,
Он звуки льет - они кипят,
Они текут, они горят,
Как поцелуи молодые,
Все в неге, в пламени любви,
Как зашипевшего аи
Струя и брызги золотые...
Но, господа, позволено ль
С вином равнять do-re-mi-sol?

4. Н. Гумилев. Жираф.

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых трав...
- Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

5 М. Цветаева.

Я расскажу тебе - про великий обман:
Я расскажу тебе, как ниспадает туман
На молодые деревья, на старые пни.
Я расскажу тебе, как погасают огни
В низких домах, как - пришелец египетских стран -
В узкую дудку под деревом дует цыган.

Я расскажу тебе - про великую ложь:
Я расскажу тебе, как зажимается нож
В узкой руке, - как вздымаются ветром веков
Кудри у юных - и бороды у стариков.

Рокот веков.
Топот подков.

6. А Битов. Человек в пейзаже.

Не могу даже дать представления о том, как мне здесь с ним нравилось! И как было страшно... Надо же, чтобы так, ни с того ни с сего вывалиться из своей обыденности и серости в настоящее, в такую внезапную дыру... Табуретку накрыли газетой - уютнейше, с мужской дельной неспешностью и функциональностью был им накрыт наш пир: луковица, хлеб, тушенка... Засверкали два отмытых стакана. Плечистая бутылка встала как колоколенка.

7. И. Бродский. Путешествие в Стамбул (отрывок)

О все эти бесчисленные Османы, Мехметы, Мурады, Баязеты, Ибрагимы. Селимы и Сулейманы, вырезавшие друг друга, своих предшественников, соперников, братьев, родителей и потомство - в случае Мурада II или III - какая разница! - девятнадцать братьев кряду - с регулярностью человека, бреющегося перед зеркалом. О эти бесконечные, непрерывные войны: против неверных, против своих же мусульман-но-шиитов, за расширение империи, в отместку за нанесенные обиды, просто так и из самозащиты. И о этот институт янычар, элита армии, преданная сначала султану, но постепенно выработывавшаяся в отдельную, только со своими интересами считающуюся касту, - как все это знакомо! О все эти чалмы и бороды - эта униформа головы, одержимой только одной мыслью: рэзать - и потому - а не только из-за запрета, накладываемого исламом на изображение чего бы то ни было живого, - совершенно неотличимые друг от друга! Потому, возможно, и "рэзать", что все так друг на друга похожи и нет ощущения потери. Потому и "рэзать", что никто не бреется. ""Рэжу", следовательно, существую".

8. И.Тургенев Вешние воды (отрывок).

О, как глубоко и радостно вздохнулось Санину, как только он очутился у себя в комнате! Точно: Марья Николаевна правду сказала - ему следовало отдохнуть, отдохнуть от всех этих новых знакомств, столкновений, разговоров, от этого чада, который забрался ему в голову, в душу - от этого негаданного, непрошенного сближения с женщиной, столь чуждой ему! И когда же все это совершается?

Чуть не на другой день после того, как он узнал, что Джемма его любит, как он стал женихом? Да ведь это святотатство! Тысячу раз просил он мысленно прощения у своей чистой, непорочной голубицы - хотя он, собственно, ни в чем обвинить себя не мог; тысячу раз целовал он данный ею крестик.

9. О. Мандельштам. ЛЕНИНГРАД

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.

Ты вернулся сюда, - так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей.

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург, я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург, у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

10. Иосиф Бродский. Памяти Феде Добровольского

Мы продолжаем жить.

Мы читаем или пишем стихи.

Мы разглядываем красивых женщин,

улыбающихся миру с обложки

иллюстрированных журналов.

Мы обдумываем своих друзей,

возвращаясь через весь город

в полузамерзшем и дрожащем трамвае:

мы продолжаем жить.

Иногда мы видим деревья,

которые

черными обнаженными руками

поддерживают бесконечный груз неба,

или подламываются под грузом неба,

напоминающего по ночам землю.

Мы видим деревья,

лежащие на земле.

Мы продолжаем жить.

Мы, с которыми ты долго разговаривал

о современной живописи,

или с которыми пил на углу

Невского проспекта

пиво, -

редко вспоминаем тебя.

И когда вспоминаем,

то начинаем жалеть себя,

свои сутулые спины,
свое отвратительно работающее сердце,
начинающее неудобно ерзать
в грудной клетке
уже после третьего этажа.
И приходит в голову,
что в один прекрасный день
с ним -- с этим сердцем -
приключится какая-нибудь нелепость,
и тогда один из нас
растянется на восемь тысяч километров
к западу от тебя
на грязном асфальтированном тротуаре,
выронив свои книжки,
и последним, что он увидит,
будут случайные встревоженные лица,
случайная каменная стена дома
и повисший на проводах клочок неба, -
неба,
опирающегося на те самые деревья,
которые мы иногда замечаем....